

**Сборник Императорского русского
исторического общества**

Том 46

УДК 304
ББК 60.5
С23

С23 Сборник Императорского русского исторического общества: Том 46 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 824 с.

ISBN 978-5-4241-5849-0

Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе. Ч.2.

ISBN 978-5-4241-5849-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Содержаніе настоящаго тома составляютъ дипломатическія донесенія графа Мерси-Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и графу Кауницу изъ С.-Петербурга, съ половины 1762 по конецъ 1763 года. Онѣ служатъ продолженіемъ депешъ того же дипломата, напечатанныхъ въ XVIII томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, и извлечены бывшимъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ С. С. Татищевымъ изъ австрійскаго придворнаго и государственнаго архива.

Графъ Мерси-Аржанто (*), прибывшій въ Россію въ качествѣ австрійскаго посла, въ послѣдній годъ правленія Императрицы Елисаветы, и сохранившій это званіе при ея преемникѣ, полтора года оставался представителемъ своей государыни при дворѣ Екатерины II. Въ продолженіе этого послѣдняго времени, всѣ усилія его были направлены къ восстановленію между Россіею и Австріею прежнихъ дружескихъ отношеній и къ возвращенію русскаго двора въ союзъ католическихъ державъ Европы, заключенный для противодѣйствія возраставшему могуществу протестантскихъ государствъ: Англии и Пруссіи. Нельзя не подивиться настойчивости и ловкости, съ которыми Мерси стремился къ достиженію своей цѣли, которой не удалось ему достигнуть лишь вслѣдствіе великихъ міровыхъ событій, послѣдовавшихъ въ концѣ 1763 и въ

(*) Биографическія данныя о графѣ Мерси-Аржанто помѣщены въ Предисловіи къ XVIII тому Сборника И. Р. И. О.

началъ 1764 годовъ, и, какъ извѣстно, совершенно измѣнившихъ политическое положеніе Европы.

Переворотъ 28 Іюня Мерси привѣтствовалъ какъ «одно изъ самыхъ великихъ и радостныхъ событій, когда-либо случавшихся». Ему казалось естественнымъ, что во внѣшней политикѣ своей Императрица Екатерина будетъ придерживаться системы прямо противоположной государственной системѣ своего предшественника. Онъ рассчитывалъ также на личное расположеніе къ нему Императрицы. Манифестъ Екатерины о восшествіи на престолъ, строго осуждавшій заключенный Петромъ III миръ съ Пруссіею, казалось подтверждалъ и оправдывалъ надежды австрійскаго дипломата.

Но разочарованіе послѣдовало очень скоро. Въ первые дни послѣ своего воцаренія, Екатерина, подъ предлогомъ утомленія и недосуга, отказала Мерси въ испрашиваемой имъ личной аудіенціи, а изъ перваго же разговора съ вице-канцлеромъ княземъ Голицынымъ, онъ узналъ, что корпусу графа Чернышева хотя и приказано отдѣлиться отъ прусской арміи, но велѣно не присоединяться къ арміи австрійской, а отступить въ Россію. Напрасно посолъ настаивалъ на необходимости не очищать отъ русскихъ войскъ королевства Пруссіи и Помераніи и сохранить обѣ эти земли въ видѣ залога. Вице-канцлеръ отвѣчалъ ему, что Императрица намѣрена прежде всего обезпечить спокойствіе государства и заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же смыслѣ и съ еще большею твердостью высказался передъ Мерси Панинъ, присовокупивъ впрочемъ, что Государыня хочетъ придерживаться прежнихъ союзниковъ и сохранить политическую систему Императрицы Елисаветы.

¼₁ Іюля 1762 г., въ день назначенный для поднесенія посломъ поздравленій Ея Величеству, ему была вручена нота русскаго министерства, въ которой объявлялось о желаніи Императрицы поддерживать дружбу съ вѣнскимъ дворомъ, но въ то же время не нарушать заключеннаго Петромъ III съ Пруссіею мира, и вообще стремиться къ водворенію въ Европѣ всеобщаго спокойствія. На аудіенціи Мерси попытался замѣтить Государынѣ,

что, признавъ вредъ нанесенный Россіи этимъ миромъ, Она легко могла бы исправить ошибку своего предшественника, но Ея Величество уклонилась отъ отвѣта, сказавъ, что нужны приказанія по этому предмету уже посланы собственному Ея представителю въ Вѣнѣ.

Мерси оставалось протестовать противъ рѣшеній русскаго двора въ оффиціальной нотѣ, въ которой онъ высказалъ взглядъ, что если Императрица рѣшилась пожертвовать завоеванными землями, то Ей слѣдовало бы по крайней мѣрѣ обратить эту жертву къ выгодѣ Ея союзниковъ и не подтверждать мира съ королемъ Прусскимъ, пока Фридрихъ не подчинится требованіямъ союзныхъ державъ. Взглядъ этотъ посолъ развивалъ передъ русскими министрами и успѣлъ склонить въ его пользу вице-канцлера князя Голицына, кабинетъ-секретаря Олсуфьева и даже княгиню Дашкову. При помощи ихъ ему удалось доставить копію со своей ноты непосредственно въ собственныя руки Императрицы, а другую копію онъ отправилъ при письмѣ къ Панину, который хотя и не занималъ оффиціального положенія по отношенію къ иностраннымъ дѣламъ, но не безъ основанія считался самымъ довѣреннымъ и вліятельнымъ совѣтникомъ Императрицы.

Всѣ эти старанія остались бесполезными. Въ отвѣтномъ письмѣ къ Мерси Панинъ напомнилъ, что главная обязанность государя обезпечить миръ своимъ подданнымъ, прибавивъ, что искренніе друзья и союзники Россіи должны сообразовать свои поступки съ пользами и обстоятельствами русскаго двора. Впрочемъ, это не помѣшало послу, при личномъ свиданіи съ Панинымъ, потребовать отозванія изъ Бреславля русскаго министра князя Репнина и высылки прусскаго министра Гольца изъ С.-Петербурга. Дѣйствовать на Панина Мерси пробовалъ даже чрезъ Одара. Послѣдній со своей стороны заявилъ послу, что лучшимъ средствомъ побудить русскій дворъ къ удержанію своихъ завоеваній въ Пруссіи было бы обращеніе къ его посредничеству для заключенія всеобщаго мира.

Умный и проницательный Мерси не замедлилъ вынести изъ всѣхъ этихъ переговоровъ самое безотрадное для двора сво-

его впечатлѣніе. Онъ началъ горько жаловаться на высоко-мѣріе Екатерины, на Ея гордый повелительный тонъ. Съ ужасомъ указываетъ онъ на укореняющійся при русскомъ дворѣ предразсудокъ будто «Россія достаточно мощна своими собственными силами, чтобы одной защищаться отъ всякаго иноземнаго нападенія; что она должна прежде всего заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ своихъ и составить въ Европѣ какъ бы обособленное государство; что она до того времени больше принесла пользы своимъ союзникамъ, чѣмъ извлекла таковой отъ нихъ для самой себя; что всѣхъ иностранцевъ слѣдуетъ исключить изъ военной службы и замѣнить ихъ природными русскими и т. д.». Идеи эти Мерси называетъ «чудовищными», но приписываетъ имъ преобладающее значеніе въ совѣтахъ Императрицы Екатерины.

Понятно, что, при такомъ настроеніи, Мерси выказывалъ нѣкоторое раздраженіе и неуступчивость въ вопросахъ этикета. Такъ онъ отказался было отъ цѣлованія руки Императрицы, если ему не будетъ выданъ реверсалъ русскаго двора. Нельзя не сравнить этого требованія австрійскаго дипломата, предписаннаго ему имперскою канцеляріею, со взглядомъ на подобнаго рода предметъ короля Фридриха II, который, еще въ 1740 году, на запросъ своего министра, слѣдуетъ ли давать титулы Императорскаго Высочества принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и Высочества герцогу и герцогинѣ Курляндскимъ, отвѣчалъ, что прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ долженъ дѣлать «все могущее быть угоднымъ отцу и матери Императора и всему министерству и давать имъ всѣ титулы, какіе только могутъ доставить имъ удовольствіе» (*).

5/10 Юля 1762 г. русское министерство отвѣчало Мерси на его ноту, что Императрица остается при прежнемъ рѣшеніи и не нарушитъ заключеннаго мира. Но вскорѣ представился послу неожиданный случай войти въ непосредственныя сношенія съ Ея Величествомъ: Екатерина письменно

(*) См. Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen, I Band, Seite 106.

обратилась къ нему съ просьбою, тайно переслать въ Варшаву письмо Ея къ Станиславу Понятовскому. Мерси воспользовался этимъ, чтобы въ отвѣтъ своемъ снова повторить доводы изложенные въ оффиціальной его нотѣ. Вскорѣ послѣ того, приспѣлъ ему на помощь сильный союзникъ — бывший канцлеръ графъ Бестужевъ, возвращенный Императрицею изъ ссылки. Мерси не замедлилъ сойтись съ нимъ и нашелъ въ немъ прежняго ревностнаго приверженца австро-русскаго союза. Посоль началъ внимательно слѣдить за всѣми проявленіями тайной, но ожесточенной борьбы между старымъ министромъ Елисаветы съ одной стороны и Панинымъ и Кейзерлингомъ съ другой. Екатерина прислушивалась къ обѣимъ сторонамъ и не высказывалась Сама. Къ тому-же вниманіе Ея было отвлечено отъ внѣшнихъ дѣлъ внутренними волненіями. Въ гвардіи обнаружались безпорядки. Недовольные высказывались, то за великаго князя Павла Петровича, то за принца Ивана. Мерси тщательно отмѣчалъ въ своихъ донесеніяхъ всѣ эти неблагопріятные признаки и предсказывалъ близкій конецъ царствованія Екатерины.

Но въ ожиданіи этой перемѣны, дѣла въ С.-Петербургѣ съ каждымъ днемъ все болѣе принимали оборотъ неблагопріятный для австрійскаго двора. Скоро Мерси узналъ, вѣроятно чрезъ таинственнаго «добраго друга», что Императрица ведетъ дѣятельную собственноручную переписку съ королемъ Прусскимъ въ величайшей тайнѣ, безъ участія и даже безъ вѣдома своихъ министровъ, и что всѣ важныя дѣла обсуждаются и рѣшаются обоими Государями такимъ необычайнымъ путемъ. При этихъ условіяхъ, онъ началъ ясно сознавать, что не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи къ прежнему тѣсному союзу между Императорскими дворами, не смотря на неизмѣнное милостивое обращеніе съ нимъ лично самой Императрицы, которая въ концѣ Августа вторично обратилась къ нему съ просьбою, служить тайнымъ посредникомъ въ перепискѣ Ея съ графомъ Понятовскимъ.

Въ половинѣ Сентября Мерси вмѣстѣ съ дворомъ переѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Москву, гдѣ должно было состояться

торжество коронаванія. Празднества продолжались нѣсколько недѣль и пришлось отложить на нѣкоторое время дипломатическіе переговоры. Мерси подробно описываетъ эти празднества въ своихъ донесеніяхъ и настаиваетъ на исключительно официальномъ ихъ характерѣ. По окончаніи ихъ снова принялись за дѣла. Особенное вниманіе Мерси обратилъ на отношенія Россіи къ Турціи, на вопросъ о возобновленіи австро-русскаго союзнаго трактата и на желаніе Екатерины быть посредницею при заключеніи мира между Австріею и Пруссіею. Въ первомъ дѣлѣ онъ заподозривалъ искренность русскаго двора, сообщавшаго въ Вѣну о тайныхъ проискахъ Фридриха II въ Константинополѣ, будто-бы съ цѣлью побудить вѣнскій дворъ соблюдать относившіяся до Турціи условія прежняго союза своего съ Россіею. Возобновленіе самаго союзнаго договора посоль считалъ несвоевременнымъ, а допущеніе русскаго посредничества при заключеніи мира—прямо противнымъ интересамъ австрійскаго дома. Даже возраставшій кредитъ графа Бестужева подавалъ ему слабую надежду на измѣненіе обстоятельствъ къ лучшему, такъ какъ и этотъ министръ, нѣкогда столь преданный вѣнскому двору, сталъ согласовать свои рѣчи съ гордымъ направленіемъ, даннымъ Екатериною своей вѣншей политикѣ. Все это побудило посла просить графа Кауница объ отозваніи его изъ Россіи и о замѣнѣ его министромъ втораго разряда.

Между тѣмъ русскій дворъ обратился къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ съ предложеніемъ очистить Курсаксонію отъ своихъ войскъ. Марія Терезія поспѣшила принять его, а Фридрихъ II выразилъ свое согласіе лишь подъ условіемъ одновременнаго вывода союзныхъ войскъ изъ занятыхъ ими прусскихъ земель. Условіе это вызвало въ Екатеринѣ нѣкоторое раздраженіе, которымъ еще разъ попытался воспользоваться Мерси для возобновленія своихъ настояній. Но между С.-Петербургомъ и Берлиномъ существовали слишкомъ прочныя связи, основанныя на общности интересовъ въ Курляндіи, гдѣ оба двора условились возстановить герцога Бирона, и въ Польшѣ, гдѣ рѣшено было содѣйствовать сообща возведенію на престолъ, послѣ Августа III,

природнаго поляна. Пока, такимъ образомъ упрочивалось доброе согласіе между Екатериною и Фридрихомъ, охлажденію Ея въ вѣнскому двору не мало способствовали прецеденты возбуждаемыя послѣднимъ по вопросамъ объ ѣтиветѣ, а также положеніе, принятое имъ въ дѣлахъ курляндскихъ и польскихъ, прямо враждебное Россіи.

Но Бестужевъ не унывалъ и рѣшился привлечь на свою сторону фаворита графа Григорія Орлова, при помощи котораго онъ надѣялся окончательно побороть Панина и снова стать руководителемъ политики русскаго двора. Извѣстно участіе его въ составленіи проекта о выходѣ Императрицы замужъ за фаворита. Союзникомъ Бестужева въ этомъ дѣлѣ явился Мерси, къ которому, по совѣту бывшаго канцлера, не задолго до возвращенія двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ, а именно въ концѣ Марта 1763 г., сама Императрица обратилась съ просьбою исходатайствовать у супруга Маріи Терезіи возведеніе графа Григорія Орлова въ княжеское священно Римской Имперіи достоинство. Бестужевъ старался убѣдить австрійскаго посла, что этимъ путемъ всего легче достигнуть завѣтной цѣли вѣнскаго двора — возобновленія прежнихъ союзническихъ отношеній между Россіею и Австріею. Мерси хотя и не вѣрилъ въ легкое осуществленіе этого плана, главнымъ образомъ потому, что считалъ Орлова вполне неспособнымъ играть важную политическую роль, но все-же не рѣшился не сообщить графу Кауницу ревностнаго желанія, выраженнаго Русскою Государынею.

Переписка Мерси съ Кауницомъ проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ эпизодъ, весьма мало изслѣдованный доселѣ. Въ Вѣнѣ не сочли возможнымъ раздражать Екатерину отказомъ. Вскорѣ по заключеніи мира между Англіею и Франціею, состоялся въ Губертсбургѣ миръ и между императрицею-королевою и Фридрихомъ II. По окончаніи войны, должны были образоваться новые союзы. Всѣмъ было извѣстно, что король Пруссій всячески заискиваетъ у Россійской Императрицы и готовъ дорогою цѣною купить Ея дружбу и помощь. Сторонниками этого союза были Панинъ въ С.-Петербургѣ и Кейзерлингъ въ

Варшавѣ, и только содѣйствіе всемогущаго фаворита могло доставить Бестужеву торжество надъ ними. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Григорій Орловъ былъ возведенъ въ санъ имперскаго князя и давно желанный дипломъ отправленъ изъ Вѣны въ С.-Петербургъ.

Дипломъ на титулъ князя хотя и былъ врученъ графомъ Мерси Бестужеву, но въ величайшему неудовольствію какъ австрійскаго двора, такъ и представителей его въ С.-Петербургѣ, обнародованіе его, въ виду произведеннаго этимъ дипломомъ возбужденія, состоялось лишь девять лѣтъ спустя, а именно въ 1772 году.

Неудачный исходъ этого дѣла окончательно подорвалъ какъ кредитъ Бестужева, такъ и всякую надежду для Мерси снова пріобрѣсти вліяніе на Императрицу и на Ея министерство. Съ этого времени онъ и не пытался болѣе измѣнить что-либо въ охладѣвшихъ взаимныхъ отношеніяхъ между дворами с.-петербургскимъ и вѣнскимъ.

Взглядъ свой на бесплодность всякихъ дальнѣйшихъ усилій въ этомъ направленіи онъ съ замѣчательною прозорливостью изложилъ въ пространномъ донесеніи къ Кауницу, написанномъ тотчасъ же по полученіи княжескаго диплома для Григорія Орлова и подъ первымъ впечатлѣніемъ рѣшенія Екатерины не обнародывать этого пожалованія (*).

«Главное сомнѣніе»—писалъ онъ—«возбуждаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ могла Россія условиться съ Пруссіею по польскимъ дѣламъ. Съ одной стороны, можно принять за вѣрное, что это соглашеніе дѣйствительно состоялось, съ другой же, что обоюдныя мѣропріятія направлены къ нѣкоторымъ предложеніямъ о территориальныхъ пріобрѣтеніяхъ, уже предвидѣнныхъ вашимъ сіятельствомъ, и которыя могутъ причинить въ будущемъ нашему высочайшему двору большія затрудненія, опрокинувъ сѣверную систему и равновѣсіе. И если даже

(*) См. донесеніе Мерси Кауницу 22 Августа 1773 г. № 218, ниже стр. 573.

здѣшніе виды на принадлежащую республикѣ часть Червонной Руси не будутъ приведены въ исполненіе, изъ основательнаго опасенія, чтобы это завоеваніе не произвело на Оттоманскую Порту слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, все болѣе и болѣе приближая Россію къ границамъ Турціи, то, вспоминая о сдѣланномъ по случаю Торнскаго дѣла въ 1724 году большинствомъ протестантскихъ державъ предложеніи Петру I, овладѣть находящимися въ Литвѣ и прилежащими къ здѣшнимъ границамъ округами Витебскимъ, Могилевскимъ и еще третьимъ, названіе котораго не припомню, легко себѣ представить, что при этомъ тайномъ соглашеніи могла быть рѣчь о томъ или о другомъ и даже о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, и что не подлежитъ сомнѣнію, что русскій дворъ замышляетъ что-либо подобное».

И такъ, по мнѣнію Мерси раздѣлъ Польши—таково основаніе общности интересовъ Россіи и Пруссіи, залогъ и ручательство ихъ будущаго союза. Мерси предвидѣлъ это событіе и формулировалъ его задолго до его осуществленія. Въ виду этой главной причины, отпаденія Россіи отъ Австріи и сближенія ея съ Пруссіею, блѣднѣютъ прочія, приводимыя Мерси причины второстепенныя того-же явленія: личное пристрастіе Екатерины къ Фридриху, независимость Ея отъ собственныхъ своихъ министровъ, нерасположеніе къ главному союзнику австрійскаго дома, христіаннѣйшему королю, раздраженіе противъ саксонскаго двора, неустойчивость Бестужева, происки Панина и Кейзерлинга и проч. Досаду свою австрійскій дипломатъ тщетно старается прикрыть недоумѣніемъ, приводя слова, сказанныя ему Бестужевымъ въ отвѣтъ на заявленіе Мерси, что трудно составить себѣ ясное понятіе о политикѣ русскаго двора. «Увѣрю васъ, г. посоль», воскликнулъ бывшій канцлеръ,—«что ни я, ни кто другой ничего въ этомъ разобратъ не въ состояніи».

Между тѣмъ, событія шли своимъ чередомъ и каждое изъ нихъ способствовало естественному сближенію Россіи съ Пруссіею, а слѣдовательно и удаленію ея отъ Австріи. Первымъ по времени изъ такихъ событій была кончина послѣдняго коро-

ля польскаго изъ саксонскаго дома, повлекшая за собою заключеніе формальнаго союзнаго договора между Еватериною и Фридрихомъ, основаннаго на несомнѣнной общности интересовъ обоихъ государствъ. Вскорѣ послѣ смерти Августа III, на мѣсто увоеннаго въ заграничный отпускъ канцлера графа Воронцова, первоприсутствующимъ членомъ иностранной коллегіи былъ назначенъ Панинъ. Это назначеніе давало определенное направленіе внѣшней политикѣ русскаго двора. Дѣло Австріи было окончательно проиграно и дѣятельному Мерси незачѣмъ было долѣе оставаться въ С.-Петербургѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія назначеннаго ему преемника, князя Лобковича, и тотчасъ по пріѣздѣ его, въ первыхъ числахъ Января 1764 года, выѣхалъ въ Варшаву, гдѣ предстояла ему новая трудная задача: проводить на избирательномъ сеймѣ австрійское вліяніе и противодѣйствовать дружнымъ усиліямъ представителей Россіи и Пруссіи въ дѣлѣ избранія новаго короля.

Таковы главныя черты дипломатической дѣятельности графа Мерси-Аржанто при дворѣ Еватерины, въ продолженіе первыхъ 18-ти мѣсяцевъ Ея царствованія. Независимо отъ упомянутыхъ выше происшествій, онъ въ донесеніяхъ своихъ зорко слѣдитъ за всѣми обстоятельствами, которыя могли представить какой-либо интересъ для его двора. Особенное вниманіе обращалъ онъ на дѣйствія своихъ товарищей, иностранныхъ министровъ, аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ, на отношенія ихъ къ министрамъ Императрицы и между собою, на сущность веденныхъ ими переговоровъ и т. п. Не менѣе усердно изучалъ онъ и внутреннее положеніе государства, развитіе его силъ военныхъ и морскихъ, финансовъ, промышленности и торговли. Но всего любопытнѣе мѣткія его характеристики всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Вообще его донесенія представляютъ большое обиліе подробностей не только политическихъ, но и бытовыхъ, и дѣлаютъ величайшую честь его наблюдательности. Онѣ, такимъ образомъ, представляютъ драгоцѣнный историческій матеріалъ, значительно возвышаясь надъ обычнымъ уровнемъ дипломатическихъ реля-